

Мариан Вуйтович

Из наблюдений над лексикой т. наз. условно-профессиональных языков

Studia Rossica Posnaniensia 28, 97-104

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ
Т. НАЗ. УСЛОВНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ
OBSERVATIONS ON THE ARGOT OF RUSSIAN PEDLARS
AND WANDERING ARTISANS

МАРИАН ВУЙТОВИЧ

ABSTRACT. The author discusses the features and functions of the language of Russian pedlars and wandering artisans, which is dying out now. Many words of this language entered the slang of different social groups, e.g. thieves' cant, and thanks to it it has now become part of the Russian common language.

Marian Wójtowicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

Профессионально-корпоративные языки, существующие в определенных сферах общества и функционирующие на базе национального русского языка, представляют собой своеобразные и чрезвычайно сложные социальные образования. Эти социальные разновидности языка, возникающие в среде людей, связанных между собой общностью интересов, занятий, привычек, пристрастий или объединенных другими формами связи, нелегко подвергаются простой классификации. В русской лингвистической литературе для их обозначения употребляются термины: арго, жаргон, социальный вариант речи, социальный диалект.

Существует довольно много профессионально-корпоративных языков (жаргонов), каждый из которых обладает специализированной лексической системой. Среди них важное место занимают условно-профессиональные языки¹. В прошлом они были широко распространены на территории Белоруссии, Украины и Европейской части России. Носителями условно-профессиональных языков были ремесленники-отходники (портные, валяльщики, шерстобиты, шорники, жестянщики, стекольщики, печники), странствующие торговцы-разносчики (офени, коробейники), а также профессиональные нищие (слепцы, лирники), монахи, собирающие подаяние на монастыри и церкви (лабори) и др.

¹ Термин „условно-профессиональный язык” был предложен В.Д. Бондалетовым. См.: В.Д. Б о н д а л е т о в, *Условные языки русских ремесленников и торговцев. Условные языки как особый тип социальных диалектов*, Рязань 1974, с. 16, 64.

Этот тип условных языков-жаргонов иногда относят к искусственным языкам по той причине, что в их лексическом составе находится немало слов искусственно созданных, специально изобретенных или же преднамеренно деформированных, значение которых известно лишь узкому кругу носителей. Так как отличительной особенностью условных языков является их корпоративность и эзотеричность, то их нередко называют также тайными языками или языками секретного общения². Совершенно очевидно, что причислить условные языки к искусственным языкам типа эсперанто невозможно, так как они не имеют собственной грамматической системы. Против тайного характера условно-профессиональных языков и близкого им по функции воровского жаргона резко возражал Д.С. Лихачев, который полностью разделял взгляды французских лингвистов на этот вопрос³. Другого мнения придерживается В.Д. Бондалетов, известный специалист по изучению русских социальных диалектов, который считает, что „основным назначением такого рода языков (арго) было з а с е к р е ч и в а н и е. Они создавались ремесленниками-отходниками и торговцами не для забавы, а для того, чтобы в нужных случаях вести переговоры в присутствии посторонних, посвящение которых в содержание разговора по тем или иным соображениям было нежелательным”⁴. Условно-профессиональные языки и воровской жаргон рассматриваются В.Д. Бондалетовым как два разных типа условной речи.

Необходимо подчеркнуть, что функция конспиративной (эзотерической) коммуникации, выдвигаемая на первый план некоторыми исследователями, не является основной функцией этих языков. Условно-профессиональные языки, возникающие на базе национального (естественного) языка, который является основным средством общения, обслуживающим все сферы жизни и виды человеческой деятельности во все периоды истории данного народа (народности), представляют собой дополнительное средство коммуникации, выполняющее по отношению к национальному языку в определенных ситуациях заместительную функцию. Они являются вторичными образованиями, которые в отдельных социальных группах служат специфическим видом устного общения. Как факты языка, они свидетельствуют о существовании в обществе различного рода

² См., напр.: *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*, Москва 1970, с. 486-487; В.Д. Бондалетов, *Условные языки...*, указ. соч., с. 15-23.

³ См. Д.С. Лихачев, *Черты первобытного примитивизма воровской речи*. В: *Язык и мышление*, т. III-IV, Москва-Ленинград 1935, с. 47-100, статья перепечатана в: *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*, авторы-составители: Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов, Москва 1992, с. 354-398; он же, *Арготические слова профессиональной речи*. В: *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*, Москва 1964, с. 312-331.

⁴ В.Д. Бондалетов, *Условные языки...*, указ. соч., с. 18.

групп, отражают неоднородность его социальной структуры. Условный язык или жаргон является лингвистическим показателем принадлежности его носителей к той или иной социальной группе, средством отождествления носителя с группой, которая, сохраняя свои специфические особенности, противопоставляет себя в языковом отношении другим социальным группам. Специфика условных языков, их кажущийся тайный характер не вытекает непосредственно из приписываемого их носителям стремления скрыть содержание разговора от окружающих, и не в этом следует усматривать причину возникновения такого рода языков. Представление о тайном характере условно-профессиональных языков и жаргонов имеет свои корни в обособленности, изолированности и отчужденности определенных социальных групп, в замкнутом общении в пределах этих групп, а также в непонятности условной речи.

Рассматривая вопрос о тайном характере воровского жаргона, Д.С. Лихачев замечает:

В самом деле, называть воровскую речь условной и тайной только потому, что она нам непонятна, так же наивно, как и называть иностранцев „немцами” потому только, что они не говорят на языке туземцев. Так же наивно предположение, что вор может соблюдать конспирацию, разговаривая на своем „блатном языке”. Воровская речь может только выдать вора, а не скрыть задумываемое им предприятие: на воровском языке принято обычно говорить между своими и по большей части в отсутствии посторонних⁵.

Эти замечания в значительной мере справедливы и по отношению к условным языкам бродячих торговцев и ремесленников. Однако в отличие от воровского жаргона, они не знали ограничений в употреблении, и на них свободно разговаривали как в кругу родных, так и в присутствии посторонних.

Условно-профессиональные языки достигли высокого уровня развития в первой половине XIX в. Наибольшей известностью среди них пользовался офенский язык, известный также под названием „суздальского наречия”. Однако с 50-х годов прошлого столетия начинается упадок офенской торговли, постепенное суживание ареала распространения офенских жаргонов и их отмирание. Судьба некоторых условных языков свидетельствует о том, что они не возникали в отдельных местах России самостоятельно, независимо друг от друга, но появлялись в результате перенесения языка его носителями из одной местности в другую. Так, например, офенский язык шорников села Голохвастова, расположенного в 25 километрах от Орла, был занесен туда крепостными владельца этого села, Ляпунова, из-под Москвы⁶, а условный язык в селе

⁵ Д.С. Л и х а ч е в, *Черты первобытного примитивизма...*, указ. соч., с. 357.

⁶ См.: С.И. К о т к о в, *Условный язык орловских шорников*. В: *Материалы и исследования по русской диалектологии*, т. III, Москва-Ленинград 1949, с. 233, 237.

Верхозим (Шемышейского района Пензенской обл.) появился во второй половине XVIII в. вместе с первопоселенцами-офенями из Владимирской губернии⁷. Из этого можно сделать вывод, что отдельные условные языки восходят к одному офенскому языку, обладавшему в прошлом более или менее устойчивым словарным составом, а территориальные разновидности и профессиональные варианты образовались в результате длительного развития в определенной местности.

Собранные материалы по восточнославянским условным языкам, хотя и далеко не полные, различного рода списки офенских слов, небольшие словарики позволяют составить общее представление о лексико-семантической системе этих языков-жаргонов. Территориальные разновидности и профессиональные варианты условных языков отличаются друг от друга прежде всего объемом своих словарей и в значительно меньшей степени составом лексико-тематических групп. Словарный состав условных языков, которых не охватил еще полностью процесс деградации, включает от 1600 до 1800 слов. К ним можно отнести, например, язык волынских лирников, в словарном запасе которого имеется около 1600 слов, а также жгонский язык костромских и нижегородских (горьковских) шерстобитов, насчитывающий 1800 слов. Лексический фонд условных языков, находящихся на стадии отмирания, содержит от 800 до 350 слов. Например, мстерский вариант офенского языка включает 800 слов, вязниковский вариант – 600 слов, язык западнополесских нищих – 566 слов, офенский язык орловских шорников – 440 слов, язык торопецких торговцев – 350 слов⁸.

Из анализа словаря орловских шорников и вязниковского варианта офенского языка следует, что в условном языке имена существительные составляют около 60%, глаголы – 24%, прилагательные – 6%, числительные – 5%, местоимения – 3% и наречия – 2%. Характерной чертой условных языков является отсутствие в их словарном составе собственных служебных слов и междометий. Эту функцию выполняют соответствующие слова, взятые из родного языка говорящих. Количество специальных слов в различных вариантах офенского языка ничтожно мало. В словаре орловских шорников профессиональные слова составляют примерно 4%. В целом в условных языках специальная лексика не превышает 5%⁹.

⁷ Д.В. Наумов, *Офенский древний племенной язык*, Саратов 1961, с. 309 (машинопись хранится в Институте русского языка РАН в Москве).

⁸ См.: В.Д. Бондалетов, *Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников*. В: *Этимологические исследования по русскому языку*, вып. VII, Москва 1972, с. 48; он же, *Условные языки русских ремесленников и торговцев*, с. 85-100; С.И. Котков, указ. соч., с. 244-253; Й.О. Дзендзелі в ській, *Арго волынських лірників*, „Studia z filologii polskiej i słowiańskiej”, t. 16, Warszawa 1977, с. 179-216; Г. А р к у ш и н, „Стáрицька мова” (*Арго сліпців-жебраків Західного Полісся*), „Slavia Orientalis” 1996, XLV, nr 2, с. 236.

⁹ В.Д. Бондалетов, *Условные языки...*, указ. соч., с. 24-25.

В результате сопоставления названных выше вариантов офенского языка было обнаружено около 100 общих слов (в том числе 50 существительных и 26 глаголов). Это означает, что лексические совпадения составляют почти 20%. Среди них имеются слова, обозначающие наиболее важные, жизненно необходимые предметы, понятия, действия и состояния. Например: а) названия частей человеческого тела: *вербухи* 'глаза', *кирги*, *хирьги* 'руки', *катева*, *кутёва* 'голова', *стухари*, *стухары* 'ноги', *хаз*, *хазик* 'рот' и др.; б) названия людей: *гиряк*, *диряк* 'старик', *корюка* 'девушка', *крутень*, *хрутень* 'отец', *лох* 'мужик', *масья* 'мать', *пахан*, *паханя* 'хозяин', *пулец* 'купец' и др.; в) названия животных, рыб: *луньга*, *луняга* 'собака', *псала* 'рыба', *хрунья* 'свинья' и др.; г) названия продуктов питания и напитков: *гальмо* 'молоко', *гомыра* 'водка, вино', *дряба* 'вода', *емеля* 'мед', *крясо* 'мясо', *лухта* 'каша', *сластим* 'сахар', *сумарь* 'хлеб', *чкун*, *чикун* 'квас', *ялусть*, *ялуха* 'соль' и др.; д) названия жилища, домашней утвари, одежды, орудий: *бухальник*, *бухарник* 'стакан', *бухлянка* 'бутылка', *жуль* 'нож', *кудро* 'ведро', *лопухи* 'сапоги', *мазни* 'сани', *мамура*, *мамыр* 'топор', *мехаль* 'мешок', *мазоха* 'соллома', *настухарники* 'чулки, онучи', *нахирёжники* 'рукавицы', *пельмига* 'бумага', *рым* 'двор, дом', *ряха* 'изба, хата', *сары*, *сармаки* 'деньги', *свербалка* 'ложка', *скрипоты* 'ворота' и др.; е) названия важнейших действий и состояний: *бирять*, *бирять* 'давать', *бряить* 'есть', *бусать* 'пить', *вандать* 'нести', *вершать* 'смотреть', *волить* 'хотеть', *дулить* 'зажигать, курить', *елтониться* 'жениться', *ёрить* 'ехать', *зетить* 'говорить', *кимать* 'спать', *косать* 'бить', *куравить*, *курать* 'жить', *мерковать* 'ночевать', *петрить* 'понимать', *пропудить* 'продать', *сахвить*, *сафить* 'резать', *севрать*, *севрить* 'знать', *скурлять* 'болеть', *стыхлять* 'стоять', *отемнеть*, *утемлеть* 'умереть', *хлить* 'идти', *шишлять* 'читать', *юхтить*, *юхчить* 'брать' и др.

Симптомами протекающих процессов деградации и отмирания условно-профессиональных языков являются не только количественные (выпадение слов, прекращение пополнения словаря новыми словами), но и качественные изменения в их лексико-семантической системе. Многие слова теряют свою прежнюю форму и становятся фонетически и морфологически неустойчивыми. Ср., например, слова из языка орловских шорников: *бармуханка*, *бармушник* 'полушубок', *бусальник*, *бухальник*, *бухарь* 'стакан', *кресло*, *крысло*, *крясо* 'мясо', *шупёл*, *щупло* 'овес' и т.п. Выход из употребления одних слов влечет за собой изменения в употреблении и семантике других лексических единиц. Однозначные, как правило, в условных языках слова, сохраняя свое основное значение, начинают употребляться также для обозначения тех предметов и явлений, названия которых уже давно были забыты носителями этих языков. Между понятиями, обозначаемыми этими словами, существуют еле уловимые ассоциации, а отдельные значения такого рода слов не образуют единой семантиче-

ской структуры. Ср., например, значения слов из условного языка шорников: *дулик* 'огонь, лампа, весна, лето, звезда, луна', *косальник* 'гроза, гумно, молоток, час', *сивалдай* 'зима, снег, холод', *хвитёныш*, *хвитёнуш* 'брат, сын, отец', *шаты* 'гуси, утки' и т.п.

Постоянное и тесное взаимодействие различных лексических систем, отсутствие между ними отчетливых и определенных границ, способствует проникновению лексических элементов из одной сферы речи в другую. Механизмы этого взаимодействия и пути проникновения слов настолько сложны и к тому же недостаточно изучены, что иногда невозможно установить, из какой сферы пришло то или иное слово. Особенно сложной является проблема взаимодействия условно-профессиональных языков с диалектами и жаргонами¹⁰. Здесь мы коснемся лишь одной стороны этого явления: проникновения слов офенского языка в воровской жаргон. Из различных вариантов условного языка странствующих торговцев-офеней в воровской жаргон вошли широко распространенные слова разговорно-бытового характера, главным образом имена существительные и глаголы¹¹. К заимствованным существительным относятся, напр.: *бухарник*, *бухлянка*, *гамура*, *гамыра* 'водка', *декан* 'десятирублевая купюра', *дульяски* 'спички', *костёр* 'город', *лох*, *мамура*, *мася*, *пельмега* 'бумага', *плёха* 'баня', *рым*, *сармак*, *сары*, *скрипы* 'ворота, двери', *стремыга* 'трехрублевая купюра', *сумар(ь)*, *хаза* 'притон, квартира', *хезник* 'туалет', *шаван* 'чай', *ширман* 'карман', *шур* 'вор' и др. Из офенского языка были заимствованы, например, следующие глаголы: *бусать*, *дулить*, *жулить* 'обманывать', *зекать* 'смотреть', *зетить* 'высматривать, подглядывать украдкой', *зюкать* 'разговаривать, рассуждать', *кимать*, *кирять* 'пьянствовать', *косать*, *мастырить* 'делать', *отдакнуть* 'отдать', *петрить*, *севрить*, *скурлять*, *хлить*, *ховать* 'прятать', *шишлять* 'читать' и др. Заимствованные имена прилагательные составляют небольшую группу: *бусой*, *бухой*, *кирной* 'пьяный', *гириший* 'дряхлый, худой', *клёвый* 'хороший', *ласенький* 'маленький'. Любопытно отметить, что заимствовано было лишь одно местоимение – *мас* 'я'. Обращает на себя

¹⁰ О взаимодействии между лексикой социальных и территориальных диалектов см.: В.Д. Бондалетов, *Арготическая лексика в диалектологических словарях русского языка*. В: *Слово о русских народных говорах*, Ленинград 1968, с. 101-107.

¹¹ Слова воровского жаргона почерпнуты из следующих источников: В.А. Нанка Бец, *Босаяцкий словарь*, Одесса 1903; Н.В. Инградов, *Условный язык заключенных Соловецких лагерей особого назначения*, Соловки 1927; В.М. Попов, *Словарь воровского и арестантского языка*, Мнев 1912. Перепечатано в: *Russische Gaunersprache I*, Herausgegeben und eingeleitet von Olexa Horbatsch, Frankfurt am Main 1978; *Словарь блатного жаргона в СССР*, автор-составитель В.В. Махов, Харьков 1991; Л.А. Мильяненко, *По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира*, Санкт-Петербург 1992, с. 76-288 (словарь жаргонных слов и выражений); *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*, см. сноску 3.

внимание отсутствие заимствованных числительных в воровском жаргоне, который, как известно, своих числительных не имеет¹².

Некоторые слова изменили в воровском жаргоне свое значение, напр.: *бухарь* 'стакан' → 'пьяница', *капелла* 'кабак' → 'воровская группировка', *посый* 'большой' → 'хороший', *пулить* 'купить, продать' → 'воровать, передавать краденое помощнику', *скес* 'еврей' → 'скупой, трусливый человек; сатана, дьявол' и т.п. В ряде случаев произошло расширение значения слова в жаргоне, напр.: *жулик* 'нож; мелкий воришка', *пахан* 'старший опытный вор-наставник; главарь преступной группировки; содержатель воровского притона; начальник уголовного розыска; отец; муж', *хезать* 'испражняться; трусить; вилять, выкручиваться' и др.

От заимствований следует отличать слова, образованные в воровском жаргоне от заимствованных офенских основ, напр.: *капельница* 'вино-водочный магазин': капелла, *кир* 'спиртные напитки; вечеринка; пьянка': кирять, *микруха* 'несовершеннолетний': микрый 'малый', *скесовать* 'трусить': скес, *скомля* 'болезнь, душевная боль': скомлить 'болеть', *феня* 'воровской жаргон': фенская речь, офенский язык и т.п.

Воровской жаргон не только легко усваивает, впитывает и сохраняет в своем лексическом составе слова из условных языков странствующих торговцев и ремесленников. Он является также посредником в передаче слов из одних жаргонов в другие и источником пополнения разговорной, просторечной и арготической лексики¹³. Немало слов офенского происхождения, вошедших через посредство воровского жаргона, можно найти в московском городском аргоне¹⁴, напр.: *бухать*, *бухой*, *бухарь*, *зетить*, *кирять*, *клёвый*, *кимать*, *лох*, *пахан*, *петрить*, *пулять*, *сары*, *хаза*, *хезать*, *хезник* и др. Некоторые офенизмы через посредство русской воровской речи проникли в польский воровской жаргон. В словарях польского воровского жаргона начала XX в. отмечаются такие офенские слова, как *dulić*, *dziaknąć* 'дать, брать', *kapela*, *karabona* 'девушка', *kima*, *kimać*, *kierzyć* // *kirzyć*, *kiorny* // *kirny*, *kira*, *klawy*, *krysiwo*, *krysa* 'мясо', *łoch*, *łopuchy*, *mikry*, *pulać*, *siewrać*, *sumer*, *zitać* 'говорить' и др.¹⁵

¹² Ср. Н. У л а с з у н, *Język złodziejski*, Łódź 1951, с. 30 и сл.

¹³ Подробнее об этом см.: *Общее языкознание*, указ. соч., с. 494-495; Л. И. С к в о р ц о в, *Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии*. В: *Литературная норма и просторечие*, Москва 1977, с. 29-57; В. С. Е л и с т р а т о в, *Русское аргоне в языке, обществе и культуре*, „Русский язык за рубежом” 1995, № 1, с. 82-88.

¹⁴ Примеры взяты из словаря: В. С. Е л и с т р а т о в, *Словарь московского аргоне*. *Материалы 1980-1994 гг.*, Москва 1994.

¹⁵ Лексический материал отобран из словарей: К. Е s t r e i c h e r, *Szwargot więzienny*, Kraków 1903. Перепечатано в: *Polnische Gaunersprache I*, Herausgegeben und eingeleitet von Olexa Horbatsch, Frankfurt am Main 1979; А. К u r k a, *Słownik mowy złodziejskiej*, Lwów 1907; W. L u d w i k o w s k i, H. W a l c z a k, *Żargon mowy przestępców*. „*Białna muzyka*”. *Оgólny zbiór słów gwary złodziejskiej*, Warszawa 1922. Перепечатано в: *Polnische Gaunersprache II*, Herausgegeben von Olexa Horbatsch, Frankfurt am Main 1979; См. также Н. У л а с з у н, указ. соч., с. 53-55.

Старые профессионально-корпоративные языки (жаргоны) постепенно уходят в прошлое. На смену им приходят другие, совершенно новые, но во многом аналогичные жаргоны, которые оказывают сильное воздействие на современную разговорную речь и становятся существенным фактором дальнейшего развития словарного состава русского языка. Их изучение невозможно представить себе без учета результатов всестороннего и тщательного анализа накопленных материалов по старым восточнославянским условно-профессиональным языкам и жаргонам.